

CoRpus

Дженнифер Сэйт
Электра

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сэйнт Д.

Электра / Д. Сэйнт — «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-145133-2

Эта история рассказана тремя женщинами. Женой царя Агамемнона Клитемнестрой, его дочерью Электрой и его наложницей Кассандрой. Клитемнестра не может простить супругу гибели старшей дочери и жаждет мести. Электра помнит, как ушел на войну с троянцами отец, ждет его возвращения, но догадывается о кровавых замыслах матери. Трагедии предотвратить она не в силах, однако понимает, что не может оставаться в стороне и должна помочь справедливости восторжествовать. А троянка Кассандра, которую Аполлон наградил даром предвидения, отлично знает, чему суждено произойти, но ее предсказаниям никто не верит, и она никого, даже себя, не может спасти от гибели. Это рассказ о судьбе, предназначении, расплате за совершенные грехи. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-145133-2

© Сэйнт Д., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог. Электра	6
Часть первая	7
1. Клитемнестра	7
2. Кассандра	13
3. Клитемнестра	17
4. Кассандра	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дженнифер Сэйт Электра

Jennifer Saint
Elektra

© Jennifer Saint, 2022

© Л. Тронина, перевод на русский язык, 2024

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024

© ООО «Издательство Аст », 2024

Издательство CORPUS ®

* * *

Алексу

*Строптив мой дух, сомненья нет <...>
Но зато не умолкнет печальная песнь,
Моей жалобы стон,
Пока звезд я алмазных теченье,
Пока дня я сияние вижу! <...>
Дланью врагов своих
В прах обращен, в ничто,
Спит в могиле он,
А убийц чета
Мзды не знает за кровь его.
Где ж быть тут страху,
Где быть стыду в жалком роде смертных?¹*
Софокл. Электра

¹ Перевод с древнегреческого Ф. Зелинского.

Пролог. Электра

Микены безмолвствуют, а мне нынче ночью не заснуть. Дальше по проходу – покои брата, он-то спит наверняка, сбросив покрывала. Когда захожу по утрам его будить, вечно лежит, запутавшись в них ногами, словно во сне бегал наперегонки. Или догонял нашего отца, которого ни разу не видел.

Это отец дал мне имя при рождении. Огненная, раскаленная – в честь солнца. Так и сказал мне, маленькой еще: ты у нас как огонек. И добавил:

– Твоя тетка славится красотой, но ты и теперь уже сияешь ярче. И еще больше славы принесешь роду Атрея, дочь моя.

А потом поцеловал меня в лоб и поставил на ноги. Отцова борода щекоталась, но мне это даже нравилось. Я ему верила.

И теперь меня вовсе не волнует, что женихи не шумят в тронном зале, требуя моей руки. Я наслушалась историй о своей тетке Елене и ничуть ей не завидую. Поглядите, куда завела ее красота. В далекий чужеземный город, откуда нашим воинам десять лет уже не уйти. Десять лет я живу без отца, жадно хватаясь за всякое известие о победе, что доносят гонцы, следуя через Микены. И от таких известий переполняюсь гордостью и ликованием, ведь это мой отец Агамемнон так долго сражается и целое войско вдохновляет сражаться день за днем, пока высокие стены Трои не рухнут, не рассыплются под тяжелой пятой завоевателей.

Все время вижу это мысленным взором. Как возьмет он наконец приступом городские ворота, как враги скорчатся у его ног. А после он вернется домой, ко мне. Преданной дочери, год за годом его ожидавшей.

Кто-то, конечно, припомнив тот его поступок, скажет, что он своих детей и не любил, иначе не сотворил бы такого. Но я помню объятия отца, стук его сердца над ухом и знаю: в целом свете не найти мне места надежнее.

Я всегда мечтала, повзрослев и став женщиной, оправдать его ожидания и, останься он, непременно оправдала бы. Была бы достойна имени, данного отцом.

Больше всего на свете хочу, чтобы он мной гордился.

Мать теперь наверняка бродит по дворцу, вперив глаза в далекий мрак. Она передвигается бесшумно – легкую поступь смягчают подошвы изящных сандалий, волосы ее перехвачены на затылке алыми лентами и пахнут измельченными лепестками да душистым маслом, лощеная кожа поблескивает в свете луны. Не хочу с ней столкнуться, потому из покоев не выхожу. Вместо этого встаю и иду к узкому окошку, прорубленному в камне. Упершись локтями в подоконник, выглядываю наружу, но ничего не надеюсь увидеть – разве что горстку звезд. И вдруг на моих глазах над дальним горным пиком взвивается сигнальный огонь, а в ответ ему другой, потом третий – и вот уже вспышки по цепочке движутся к Микенам. Сердце колотится. Кто-то там шлет нам весть. А лишь одной вести все мы ожидаем сообщая.

Вихрь янтарных искр вспархивает к небесам – новый огонь зажегся, еще ближе. Слезы выступают на глазах. Не в силах поверить, смотрю на огни, и во мне самой загорается искра ослепительного озарения: вот что это значит!

Троя пала.

Мой отец возвращается домой.

Часть первая

1. Клитемнестра

Род Атрея носил проклятие. Страшнейшее, даже по меркам мучителей-богов. В истории этой семьи предостаточно было и зверских убийств, и прелюбодеяний, и чудовищного честолюбия, а людоедства – и вовсе сверх ожиданий. Все об этом знали, но когда Атриды, Агамемнон с Менелаем, прибыли в Спарту и предстали перед нами, двумя близнецовыми сестрами – а с тех пор целая жизнь прошла, – нелепые рассказы о младенцах, зажаренных и поданных родителям к столу, рассыпались в сверкающую на солнце пыль.

Два брата были в самом расцвете сил и не то чтобы красивы, но притягательны. Борода Менелая отливала рыжим, у Агамемнона же росла черная, как и густо кустившиеся на голове кудри. Перед моей сестрой стояли женихи и повиднее – стены огромного зала, где все они собрались, честное слово, едва ли не поскрипывали от натуги, не в силах вместить такое множество точеных скул, прекрасных плеч, выдающихся подбородков и сияющих глаз. Елене предлагалось выбирать из лучших мужей Греции, но смотрела она на одного лишь смущенного Менелая, а тот, неловко перенося с ноги на ногу груз могучего тела, тоже молча смотрел на нее во все глаза.

Дочь Зевса – вот что рассказывали о Елене. Это я родилась на свет самым обычным, презренным образом, с визгом и пунцовым личиком, а сестра моя якобы изящно выбралась из белоснежной скорлупы, вылупилась разом писаной красавицей. Сказание украшали причудливыми подробностями – всем было известно, что Зевс способен принимать разные обличья, и на сей раз он явился в белоснежных перьях, бесшумно подплыл к нашей матери, сидевшей у реки, с намерением самым очевидным.

Такой милостью от Зевса гордиться нужно. Вот что все говорили. Если сам правитель богов счел Леду, нашу мать, вполне привлекательной, то для семьи это великая честь. И нашему отцу вовсе не позорно растить плод сего союза.

О красоте Елены и впрямь ходили легенды.

И женихи десятками стекались во дворец. Отталкивая друг друга, кидались вперед, сиюсь разглядеть хоть мельком за трепещущим покрывалом лицо женщины, которая называлась красивейшей в мире. Постепенно их настроение менялось, нетерпение росло, и вот уже я заметила, что руки мужчин опускаются к бедрам, готовые схватиться за мечи. Заметила это и Елена и коротко повернулась ко мне – мы лишь тревожными взглядами перекинулись.

Стражники, стоявшие вдоль стен, выпрямились и крепче сжали копья. А я гадала, как скоро бурлящая гуща толпы может выплеснуться на нас и сколько времени охране понадобится, чтобы пробиться сквозь сутолоку.

Наш отец Тиндарей заламывал руки. Этот знаменательный день сулил ему столь многое – кладовые уже переполнились богатыми дарами, коими каждый жених хотел подкрепить выбор в свою пользу. Я видела, как вождь для отца и добыча, и положение, приобретенные сегодня. Беспечный, он во всем положился на наших крепких братьев – они всегда нас защищали, защитят и теперь, а я вот сомневалась, что даже с их мастерством можно устоять против целой армии мужчин, явившихся завоевывать Елену.

Я глянула на Пенелопу. Сероокая и молчаливая двоюродная сестра всегда сохраняла хладнокровие – здесь на нее можно было положиться. Но Пенелопа до того увлеклась Одиссеем, что на мой отчаянный взгляд не ответила. Эти двое неотрывно смотрели друг на друга, будто гуляли наедине по благоухающим лугам, а не попались в ловушку, оказавшись в одном зале с сотней забияк, готовых вот-вот вспыхнуть от одной только искры.

Я закатила глаза. Одиссей якобы тоже, как и все, пришел свататься к Елене, но, разумеется, всякий его поступок был лишь прикрытием для чего-то другого. Вот где твое знаменитое хитроумие нам, пожалуй, и пригодилось бы, думала я, досадуя на Одиссея, так невовремя предавшегося любовным грезам.

Но я ошиблась – моя сестра и ее возлюбленный вовсе не переглядывались мечтательно, а молча замыслили кое-что, и вот уже Одиссей, вскочив на помост, где сидели мы все, громко призывал к порядку. Хоть был он невысокого роста и кривоног, однако вид имел внушительный, и голоса сразу смолкли.

– Прежде чем госпожа Елена сделает выбор, – пророкотал он, – мы все дадим клятву.

Его слушали. Одиссей владел даром подчинять чужую волю собственному замыслу. Он даже мою мудрую двоюродную сестрицу очаровал, а я-то думала, что ни один мужчина с ней умом не сравнится.

– Мы все явились сюда нынче с одной целью, – продолжил Одиссей. – Все хотим взять в жены прекрасную Елену, и каждый вправе считать себя достойным такой супруги. Эта женщина – драгоценность превыше любой воображимой, и мужчине, который назовет ее своей, придется защищаться изо всех сил, ведь Елену непременно захотят отнять.

Каждый представлял себя на этом месте, я видела. Каждый воображал, что именно ему она достанется, а Одиссей мечту испортил. И теперь они зачарованно взирали на него, ожидая, какое же решение предьявленной головоломки он огласит.

– Посему предлагаю всем нам дать обет: кого бы Елена ни предпочла, мы будем защищать ее вместе с ним. Принесем торжественную клятву отстоять, пусть и ценой своей жизни, право избранника Елены владеть ею – теперь и впредь.

Тиндарей вскочил вне себя от радости, ведь Одиссей предотвратил беду, которой день отцовского триумфа грозил обернуться почти наверняка.

– Я принесу в жертву своего лучшего коня! – объявил он. – И все вы поклянетесь перед богами на его крови.

Так и сделали, и наш отец в тот день лишился одного только коня. Точнее, коня и дочери да вдобавок племянницы, так что сделка получилась очень даже выгодная. Тиндарей был избавлен ото всех одним махом, ведь стоило Елене сказать еле слышно: “Менелай”, как тот взошел на помост, сжал ее руку в своей, забормотал о благодарности и преданности, а уже в следующий миг Одиссей сделал предложение Пенелопе; меня, однако, привлек темноволосый брат Менелая, хмуро и неотрывно глядевший в пол, на каменные плиты. Агамемнон.

– Почему ты Менелая выбрала? – спросила я позже у Елены.

Вокруг сестры суетились служанки – расправляли складки ее платья, сплетали ее волосы в затейливые завитки, делали сотню разных мелочей, чтобы ее украсить, совершенно излишних.

Елена ответила не сразу, задумалась. Все вечно восхваляли лишь ее ослепительное величие, иные даже в поэмах и песнях. Никто не поминал ни вдумчивость ее, ни доброту. Не стану отрицать, что я, взрослая рядом с сестрой, вечно ввергавшей меня в тень своим блеском, ощущала иной раз уколы холодной, ядовитой зависти, восстававшей в груди. Но жестокой ко мне Елена никогда не была, меня не мучила. Красотой своей не хвастала, не насмеялась над сестрой, неспособной сравниться с ней самой. Люди глазели на нее, сворачивая шеи, и помешать им Елена не могла, как не могла обратить вспять морские течения. Я примирилась с этим, да и не хотела бы, по правде говоря, жить под бременем ее прославленной прелести.

– Менелай... – проговорила Елена задумчиво, медля на каждом слого.

Пожала плечами, накрутила на палец прядь волос, явно раздосадовав одну из служанок, ведь от небрежного прикосновения Елены гладкий завиток напряжился, заблестел, а девушке, как та ни хлопотала, не удавалось добиться ничего подобного.

– Наверное, были там и побогаче, и покрасивее. И уж наверняка посмелее. – Она чуть скривила рот, вспомнив, может, как женихи мерили друг друга взглядами и воздух незримо вибрировал от подспудного ожесточения. – Но Менелай мне показался... не таким, как все.

Богатства Елену не заботили, Спарта была и без того зажиточна. Красота не заботила тоже – ее собственной хватило бы на двоих в любом союзе. Всякий жаждал стать ее мужем – в этом мы убедились. Так чего же искала моя сестра? Мне стало любопытно. Как она поняла? Какая волшебная искра вспыхнула между ними? Как женщина узнаёт наверняка, что именно этот мужчина и есть тот самый? Я выпрямилась: сейчас Елена меня просветит.

– Просто... – выдохнула она и взяла из рук служанки зеркальце с ручкой из слоновой кости, на обороте затейливо украшенное резной фигуркой Афродиты, выступающей из огромной раковины. Глянула мельком на свое отражение, откинула волосы назад, поправила золотой венец, уложенный поверх кудрей. Собравшиеся кучкой служанки тихонько вздохнули: оценит ли Елена их ненужные старания?

– Просто, – продолжила она, вознаградив девушек улыбкой, – мне показалось, что он будет так благодарен.

Я растерянно молчала, а долгожданные слова уже таяли в воздухе.

Не услышав ответа и, может быть, уловив в моем молчании легкую укоризну, Елена расправила плечи и посмотрела на меня в упор.

– Нашу мать, как тебе известно, выбрал сам Зевс, – сказала она. – С вершины Олимпа заметил эту смертную, так она была прекрасна. И если бы отец наш не отличался тихим и смиренным нравом... кто знает, как бы он себя чувствовал? Если бы, скажем, больше походил на Агамемнона, чем на Менелая.

Я застыла. О чем это она?

– Такой мужчина вряд ли безропотно снесет обиду, – продолжила Елена. – Сочтет он за честь, если выберут его жену, или совсем наоборот? Не знаю, какая судьба меня ждет, но точно знаю: не просто так я на свет родилась. Неизвестно, что уготовили мне мойры, но, похоже, при выборе следует проявить... – она подыскивала верные слова, – благоразумие и осторожность.

Я вспомнила Менелая: с каким обожанием смотрел он на Елену! И задумалась, права ли она, способен ли он в случае чего рассуждать, как наш отец. Настоящую ли победу одержал сегодня здесь, во дворце, и что может дальше произойти?

– К тому же с ним я смогу остаться в Спарте, – добавила она.

Вот за это я и впрямь была признательна.

– Так все решено? Вы остаетесь жить здесь?

– Менелай поможет отцу править Спартой. А наш отец взамен поможет ему.

– Чем это?

– А что тебе известно о Менелее и Агамемноне? О Микенах?

Я покачала головой.

– Я слышала об их семье. Те же рассказы, что и ты. О проклятых предках, об отцах, убивавших родных сыновей, о братьях, враждовавших друг с другом. Но все это в прошлом, так ведь?

– Не совсем.

Взмахом руки Елена отослала служанок и доверительно склонилась ко мне. Я взволновалась.

– Сюда они прибыли из Калидона, как ты знаешь.

Я кивнула.

– Только родина их не там. Они живут у калидонского царя. Он дал братьям приют, но не может дать того, что им и в самом деле нужно, а наш отец может.

– И что же это?

Довольная Елена улыбнулась: сейчас сообщит мне нечто будоражащее.

– Войско.

– Правда? И для чего?

– Чтобы отвоевать Микены. – Елена тряхнула головой. – Забрать свое. Дядя Менелая и Агамемнона убил их отца, а их самих, детьми еще, изгнал. Теперь они выросли и заручились поддержкой Спарты.

Об этом я знала. Менелай с Агамемноном были сыновьями Атрея, убитого в борьбе за трон родным братом Фиестом, который после выгнал племянников из Микен. Но оказался не совсем бессердечным, как видно: детской кровью рук не обагрил. Ведь за такое преступление боги и прокляли этот род в прошлых поколениях, а совершил его Тантал.

Может, и неудивительно, что Менелай заинтересовал Елену, подумалось мне. Мы слышали старинную легенду об этой семье – жуткое предание, леденившее кровь, но такое, казалось, далекое от действительности. И вот оно приблизилось: два брата искали справедливости, намереваясь одним решающим деянием исцелить раны истерзанной семьи.

– Но разве после этого Менелай не захочет остаться в Микенах?

– Нет, Микены достанутся Агамемнону. А Менелая нравится здесь.

То есть Менелая в награду достанется Елена, а Агамемнону – город. Наверняка оба согласились, что сделка честная.

– Непонятно только, как они поступят с мальчишкой.

– С каким мальчишкой?

– С Эгисфом. Это сын Фиеста, подросток еще – тех же лет, что были Менелай с Агамемноном, когда Фиест убил их отца.

– Наверное, тоже изгонят его?

Елена вскинула бровь.

– Чтобы он вырос, как и они? Взлелеяв те же мечты? Агамемнон не станет так рисковать. Я содрогнулась.

– Но ведь и ребенка убивать не станет, правда?

Логику такого зверства я могла понять, но вообразить, как тот молодой мужчина, отмеченный мною среди женихов, вонзает меч в плачущее дитя – нет.

– Может, и нет. – Елена поднялась, расправила платье. – Но хватит о войне. У меня как-никак сегодня свадьба.

С праздника я ускользнула пораньше. Знала, что гости до утра не разойдутся, не один час еще будут есть и пить, но сама устала и чувствовала необъяснимое опустошение. Уворачиваться от пьянеющих спартанских аристократов – обыкновенно суровых и грозных военачальников, у которых от вина краснели лица, развязывался язык, а неловкие руки, становясь осьминожками щупальцами, лезли всюду, – вовсе не хотелось. Их прямо раздувало от самодовольства: такой союз заключен, и все влиятельные мужи Греции поклялись защищать Менелая трофеем. Узы верности связали их со Спартой.

Я пошла к реке. Широкий Эврот неспешно петлял через город к отдаленной южной бухте – лишь оттуда иноземные захватчики могли бы вторгнуться в город. К западу и востоку высились хребты Тайгета и Парнона, да и северные нагорья ни одно войско не преодолело бы. За такими крепостными стенами мы в нашей укромной долине были защищены от любого, кто явился бы с намерением разграбить Спарту, славную богатствами и красавицами. И теперь у самой прекрасной из спартанок появилось целое войско, готовое во имя нее в любую минуту выступить против любого врага. Странно ли, что нынче вечером наши мужчины, ни о чем не тревожась, пили вволю?

Долину освещали сигнальные огни, их яркое пламя во тьме знаменовало исключительную важность этого дня. И над каждым алтарем курился дым, вознося в черные небеса, прямо к олимпийцам, аромат белоснежных бычков с перерезанными глотками.

Я заметила, что Агамемнон, лишь он один, не участвовал в празднествах. Наверняка поглощенный мыслями о неминуемом походе на Микены. И молодой муж Елены оставит ее уже через несколько дней, пойдет сражаться вместе с братом. Теперь у них есть армия, а спартанцы, как всем известно, воины искусные и свирепые. Тут беспокоиться не о чем. И все же в голову вползала червячком предательская мысль. Если братья не выиграют битву, если не вернуться, то и менять ничего не надо будет. И мы с Еленой станем жить как жили, пусть хоть недолго.

Я мотнула головой, вытряхивая эту мысль. Все тем более изменится. К Елене сотня женихов явилась свататься, и место Менелая мигом займет другой.

Тут только я заметила его, полускрытого тенью.

В ту же минуту он повернул голову, и глаза наши встретились. В лице его отразилось мое собственное изумление и замешательство.

– Думал, тут нет никого.

Он уже собирался уйти. Но я спросила:

– А почему ты не на пиру?

До сих пор мы с Агамемноном и словом не перемолвились, и мне, разумеется, не следовало с ним заговаривать, тем более наедине, под покровом тьмы, удалившись от людей. Но то ли тишь ночная, нарушаемая лишь громогласным хохотом, доносившимся из дворца, заставила меня забыть об осторожности, то ли предчувствие, что прежней, знакомой жизни так или эдак приходит конец.

Он медлил с ответом.

– Разве не хочешь праздновать вместе с братом?

Он сдвинул тяжелые брови. Глядел настороженно и явно не желал разговаривать.

Внезапно потеряв терпение, я вздохнула.

– Или прежде Микены завоюешь, а уж потом отпразднуешь?

– Что тебе об этом известно?

Я восторжествовала – все-таки удалось его разговорить. Легкий ветерок взрябил воду, и мне вдруг страстно захотелось чего-то, неясного пока. Вокруг столько всего происходило – и свадьбы, и войны, – а я оставалась в стороне.

– Мне известно, что сделал Фиест – с твоим отцом и с тобой. Как он отнял у тебя царство.

Агамемнон коротко кивнул. И снова собрался уйти, вернуться во дворец. Но я опять задала вопрос:

– Только как же ты поступишь с мальчишкой?

Он глянул на меня недоверчиво.

– С каким мальчишкой?

– С сыном Фиеста. Отпустишь его?

– Что тебе за дело?

Не слишком ли далеко я зашла, не слишком ли его ошеломила? Ни к чему был весь этот разговор. Но раз уж завела его...

– С тобой идет спартанское войско. А значит, ты будешь действовать и от имени Спарты тоже.

– Войско подчиняется твоему отцу. И Менелая.

– Просто нехорошо это, по-моему.

– По-твоему. Но оставлять в живых мальчишку, который вырастет, затаив в душе жажду мести, опасно. – Агамемнон все смотрел на реку, всем своим видом выражая неудовольствие, но тут коротко глянул на меня. – На моем роду проклятие, и нужно положить ему конец.

– Можно ли положить ему конец вот так? Не разгневаешь богов еще сильнее?

Он мотнул головой, отмахиваясь от моих слов.

– Ты хочешь милосердия. Ты женщина. А война – дело мужское.

Я даже рассердилась.

– Спарта уже твоя. А скоро ты возьмешь Микены. И все эти мужи, явившиеся за моей сестрой – воители, правители, царевичи, – только что присягнули на верность твоему брату. Тебе выпал случай столько царств объединить и повести за собой! Ты станешь могущественным, так к чему опасаться одного-единственного мальчишки, каким бы он мстительным ни вырос? Что он тебе сделает? Имея под своим началом столь многих, ты уж конечно сможешь стать величайшим из греков.

Вот тут он заинтересовался. Проговорил задумчиво:

– Любопытный довод. Величайшим из греков. Благодарю, Клитемнестра.

А потом шагнул в проем между колоннами, направляясь обратно, к шуму веселой пирушки, доносившемуся из дворца, но я успела кое-что заметить. Как его угрюмый рот изогнулся наконец в мимолетной улыбке.

2. Кассандра

От меня не хотят слышать ни слова. А слова, царапая горло, рвутся наружу, ведь едва только касаясь человека, заглядывая ему в глаза, я вижу ослепительно чистую правду. Пророчества непрошеными продираются изнутри, их не остановить, и я содрогаюсь, предвидя последствия. Меня проклянут, погонят прочь, назовут помешанной, высмеют.

В детстве, однако, я не умела предсказывать будущее. Тогда меня занимало лишь настоящее с его заботами – как бы, например, получше нарядить мою бесценную куклу, ведь даже ее можно было завернуть в роскошнейшую ткань и украсить драгоценными камушками. Потому что родители мои, Приам и Гекуба, царствовали в Трое и о богатствах наших ходили легенды.

У матери, правда, бывали видения. Прозрения, ослепительно яркие, дарованные, несомненно, одним из множества богов, которые благоволили нам и помогали отворачивать беды. Может, даже самим Аполлоном, ведь он, как говорили, избрал мою мать своей любимицей. Она родила отцу много детей, а еще больше подарили ему наложницы. В свое время живот ее раздуло новое чадо, и все мы готовились к семейному празднику. Накануне родов мать улеглась спать, ожидая, как обычно, прежде увидеть младенца в вещем сне – приятном, разумеется.

Но не в этот раз. Пронзительный крик разорвал ночную тишь, разбудил меня, семилетнюю девочку, пробрав до самых косточек. Я бросилась в комнату, где корчилась мать, туда же сбегались и перепуганные повитухи: случилось что-то неладное, что-то ужасное!

Волосы ее облепили потный лоб, и дышала она тяжело, как загнанный зверь, но терзалась вовсе не от родовых мук. Отталкивая услужливые руки, пытавшиеся облегчить ей роды, еще и не начавшиеся, как позже выяснилось, мать рыдала, да с таким бездонным отчаянием, какого мне за всю мою короткую изнеженную жизнь еще не доводилось видеть.

Я опасливо отодвинулась. И робко топталась во тьме, за кругом света от тоненьких факелов, зажженных беспорядочно сновавшими по покоям суетливыми женщинами. Язычки янтарного пламени извивались, вспыхивая, и в такт их змеистому колебанию на каменных стенах нелепо приплясывали чудовищные тени.

– Дитя!

Мать еще тяжело дышала, однако приступ буйства, охвативший ее первоначально, кажется, унимался. Она доверилась заботам повитух, но когда те, удобно устроив ее на ложе, стали ласково уверять, что все хорошо, а рожать еще рано, мать лишь покачала головой и опять залилась слезами. Гекубу было не узнать – под глазами залегли тени, кудри слиплись.

– Я видела... видела его рождение, – проскрипела она, но стоило женщинам забормотать, что это ведь просто сон и тревожиться не о чем, как утраченное было царское достоинство вернулось к матери. Взмахом руки она заставила всех притихнуть.

– Мои сны – не просто сны. Это всем известно.

Комнату накрыла тишина. Я не шевелилась. Стояла, будто пристыв к каменной стене, холодившей спину. Мать заговорила вновь – из освещенной факелами середины зловещего круга.

– Я выталкивала его на белый свет, как и прочих своих детей. И снова чувствовала жар внутри, но такую боль претерпевала уже и знала, что вынесу и на сей раз. Только теперь все было иначе – жар этот словно... – Мать умолкла, и я заметила, как туго обтянуты кожей костяшки ее сцепленных пальцев. – Он родился в пламени, полыхавшем так долго и яростно, что мне и не снилось. Кожа моя пошла пузырями, в носу стоял запах обугленной плоти, моей же собственной. – Она сглотнула, оцарапав тишину. – То было не дитя, а факел, как вот эти, у вас в руках. Вместо головы – сноп ревущего пламени, и дым вокруг, дым, поглощающий все.

Я ощутила возникшее в комнате напряжение, нарастающую тревогу. Женщины беспокойно посматривали на холмик материнского живота.

– Может, это просто сон, – осмелилась сказать одна. – Многие рожать боятся, плохие сны не редкость в такую пору...

– Я дюжину на свет произвела, – отрезала мать, устремив на несчастную темные глаза. – Родить еще одного мне не страшно. Только... может, и не дитя это вовсе, не знаю.

Вот теперь в покои просочился ужас. Женщины переглядывались в поисках хоть какого-то объяснения.

– Эсак! – вдруг решительно заявила одна, и резкий голос ее эхом отразился от каменных стен. – Провидец. Попросим провидца истолковать твой сон, царица Гекуба. Кто знает, может, в такое время его истинный смысл скрыт даже от тебя. Спросим Эсака, он объяснит, что это значит.

Кивки, согласный ропот. Женщины, казалось, к чему угодно готовы прибегнуть, лишь бы выгравить немой ужас, застывший в глазах царицы. Вдруг провидец как-нибудь да переиначит привидевшееся ей!

Эсака призвали в тронный зал. Женщины облекли раздутое тело Гекубы в платье и вывели ее из покоев. На меня внимания не обращали, и я, последовав за ними, подросла как раз когда мать заняла место рядом с отцом – поднятый с постели, тот сидел на троне с мученическим, измятым тревогой лицом. И взял мать за руку, когда вошел Эсак.

Гладкий лик провидца ничего не выражал. Годы не иссекли его кожу морщинами, напротив, тонкая, как пергамент, она туго обтягивала череп. А глаза его заволокла, обесцветила белесая пелена. Как же он смотрит сквозь эту муть, думала я, но, может, старику и все равно было, что вещественный мир размыт, ведь мир потусторонний он видел с кристальной ясностью.

Мать пересказала ему сон. Уже овладев собой, она говорила почти без надрыва, не обнаруживая, что на самом-то деле натянута как струна.

Провидец выслушал ее. Но когда мать умолкла, не заговорил. Пересек обширное пространство зала – все провожали его глазами. Снял с каменной полки одну из бронзовых чаш-светильников, поставил на землю. Внутри горела смолистая деревяшка, и отблеск пламени плясал на украшавших заднюю стену росписях, превращая нарисованных волков в крадущихся чудовищ. Эсак поворошил пламя посохом, накрыл деревяшкой его трепещущий зев, и огонь, зашипев, угас – над тухнущими угольями взвился седой дымок. Лицо провидца скрывала тень. Я наблюдала за ним, а ветерок тем временем, дохнув из-за колонн, всколыхнул пепел на дне чаши.

Пепел осел. Я думала о материнском сне – младенце с факелом вместо головы. И о бесстрастном лице задумавшего пламя провидца.

– Царевич этот уничтожит город, – промолвил он. Голосом тихим, как эхо, доносящееся из глубокой пещеры, и холодным-прехолодным. – Если ему дадут вырасти, Трою, я вижу, испепелит огонь, который царевичу суждено разжечь. Его нельзя оставлять в живых.

Никто с ним не спорил. Эсак, похоже, подтвердил понятное царице и так, то самое, от чего она проснулась с криком. В конце концов сыновей у Приама уже было предостаточно, да избыток дочерей в придачу. Лишиться одного ребенка из множества, но уберечь город от гибели – такая плата, пожалуй, выглядела сообразной.

Плата эта оказалась, однако, непосильной для матери с отцом. Когда родился мой брат Парис, они не смогли ни скинуть кроху с высокой городской стены, ни удушить тряпичей, ни даже просто бросить одного на пустынном холме. А отдали дитя пастуху, чтобы тот сам бросил Париса где-нибудь на растерзание ночному холоду или зубастым да когтистым зверям, рыщущим неподалеку.

Объяснили ему, интересно, зачем это нужно? Знал пастух, что от способности его ожесточиться и не внимать жалобному писку младенца зависит будущее Трои? Попытался он исполнить наказ, положил ли младенца под кустом, сделал ли шаг в сторону, а потом второй,

прежде чем повернуть назад? Может, взглянув на крошечный носик Париса, на безволосую головку и безутешно протянутые к нему пухлые ручонки, пастух отмахнулся от слов прорицателя – мол, суеверие все это и вздор. Ну способно ли дитя разрушить целый город, наверное, подумал он. А может, жена его была бесплодна, не благословили их боги детьми. Может, он посчитал, что не будет опасности для города, если вырастить Париса вне его стен, простым козопасом. Высокие каменные башни, могучие дубовые ворота с железными засовами, мощь и богатство Трои казались ему, наверное, непоколебимыми.

Мой брат вырос втайне. Из беззащитного младенца сделался юношей, а никто из нас и не помышлял о его существовании где-то там, в холмах близ Трои. О страшном сне Гекубы больше не вспоминали, да и вся та ночь представлялась уже почти что сном, вот только я не забыла, как пятилась бочком от Эсака, прижимаясь спиной к шероховатой стене. Не забыла растекшуюся по его глазам белесую пелену и запах дыма тоже. И мягкий сверточек, который через несколько дней рабыня, заливаясь слезами, вынесла из покоев Гекубы, а я, увидав это, испытала жалость вперемешку с облегчением: хорошо, что обо мне матери такого не снилось.

Я попыталась расспросить ее об этом однажды, спустя долгое время. Заговорила робко, нерешительно, чем явно рассердила Гекубу. Полюбопытствовала, какое же свойство того самого сна заставило ее довериться провидцу тотчас, какая магия убедила ее, что сон этот правдив. Я не щадила материнских чувств, как теперь понимаю, но юные объяты себялюбием: мне хотелось знать, и все тут.

– Тебя там не было, Кассандра, – отрезала мать.

Отмахнулась от меня тут же, и щеки мои заалели от обиды. Слова ее отдались во мне болью, а больше я ничего не чувствовала, не думала даже, что возвращаю Гекубу к тяжелейшим воспоминаниям, и не отступала, желая во всем разобраться.

– Была! – возразила я. – И помню Эсака и огонь, и помню, что он сказал.

– Что же? Отвечай, и погромче, девчонка! – приказала она. Терпеть не могла мой тихий голос.

В детстве мне редко давали договорить – перебивали и велели начать заново, четче и слышней.

Зато теперь дважды повторять не просят.

Я принялась было сбивчиво описывать обряд провидца и зал, где все происходило, но мать лишь мотнула головой.

– Глупости, Кассандра, выдумки опять!

Слова ее ужалили. Мать заметила, видно, проступившую на моем лице обиду и тут же смягчилась, обняла меня одной рукой, коротко к себе прижала. Заговорила ласковой.

– Все было совсем не так. Эсак пошел с моим сном к оракулу, и там услышал пророчество. А ты опять увлеклась фантазиями. Учись обуздывать буйное воображение. Может, сиди ты поменьше одна...

– Но Аполлон ведь является, только когда ты одна?

Она отстранилась, глянула на меня сурово. И до того испытующе, что я поежилась с непривычки.

– Так ты этого хочешь? – спросила она недоверчиво, и я смутилась.

Как же не хотеть? Знать, что будет, иметь возможность заглянуть в грядущее, а значит, и защититься от него – почему желание обрести такой дар кажется ей, судя по тону, нелепостью?

– Просто... я ведь твоя дочь, и если боги посылают видения тебе, то почему бы им... почему бы мне...

Я умолкла. Тревога, отразившаяся на лице матери, окончательно сбила меня с толку.

– Боги поступают так или иначе по причинам, нам неизвестным, – сказала она. – Аполлон любит Трою, а я здесь царица, и видения он посылает для блага города. Это дар не мне, и я его не добивалась. Просить такого мы не вправе.

Меня затопило стыдом. Она царица Трои, а мне царицей не стать. Один из моих старших братьев будет править городом, и жена его займет место Гекубы. Может, к ней перейдут видения, сны, что посылает Аполлон во благо Трои. А мне, такой ничтожной и глупой, хотелось сквозь землю провалиться.

– Я не имела в виду... – залепетала я, но мать уже качала головой.

Разговор был окончен, да я бы и не смогла объяснить, что же все-таки имела в виду.

– Иди поиграй, Кассандра, – велела мать, и я пошла.

Но водиться со мной не очень-то хотели. Другие девочки казались до того всезнающими, до того самоуверенными. А я вечно колебалась, как тростинка на ветру, не смея высказать, что думаю, – засмеют еще или поглумятся. Однако по поводу провидца и сна Гекубы у меня сомнений не было. Может, ей и хотелось помнить иное, а я той ночи вовек не забуду, память о ней въелась в самые кости.

Меня тогда уже никто не понимал. И всегда занятая мать понять свою дочь не пыталась – не находила времени. Узри она во сне и меня, а не только Париса, узнай, какой я стану, наверняка собственноручно сбросила бы на камни еще во младенчестве. Но моего будущего в пепле не высматривали. И не вмешались, не запретили стать такой, какой я стала.

3. Клитемнестра

Атриды отправились в поход, а я места себе не находила. Дни мои, раньше всегда чем-то занятые, тянулись еле-еле, особенно в послеобеденные часы.

Пенелопа уже отправилась с Одиссеем на скалистую Итаку, остров коз. Но Елена осталась, а мы с ней все свои шестнадцать лет прожили вместе и до сих пор не скучали. Так в чем же дело? Наверное, в волнениях и суматохе последних дней, думала я: сначала Атриды явились к нашим берегам в поисках пристанища, потом собрались Еленины женихи, и наконец обе мои сестры – родная и двоюродная – вышли замуж. Неудивительно, пожалуй, что после всех этих событий жизнь кажется чуть-чуть однообразной.

Замужество не изменило мою сестру. Поразительно, но отсутствие супруга ее как будто не волновало вовсе, а я досадовала на себя, ведь больше всех, похоже, тревожилась о братьях, отправившихся в Микены свергать дядю-узурпатора.

– За ними – лучшие воины Спарты, – говорила, отменяя мои тревоги, Елена, прикрыв глаза рукой от слепящей белизны солнца, отражавшегося в водах реки, у которой мы теперь лежали. – И скоро они вернутся с победой.

– А за Менелая ты не беспокоишься? – Приподнявшись на локте, я посмотрела на нее. – У Фиеста тоже есть воины. Он отнял трон у Атрея и будет его отстаивать. Что если Менелай убит?

Сморщится ли наконец этот гладкий лоб, мелькнет ли испуг в ее веселых глазах? Я любила сестру, как никого другого, и, приди она ко мне и скажи, что опасается за жизнь Менелая, все бы сделала, лишь бы ее успокоить. Но Елена оставалась безмятежной, я же, напротив, пребывала в смятении, потому и разозлилась и вдруг отчаянно захотела сломить ее.

Но сестра лишь улыбнулась.

– Вернется он. Даже не сомневаюсь.

Обессилив, я откинулась назад. Солнце светило слишком ярко, а горы, окружавшие нас с трех сторон, угнетали, будто надвинувшись вдруг. Я закрыла глаза. И подумала: скорей бы вечер и конец бескрайнему дню. Но знала, что затоскую по рассвету, едва наступит ночь.

– А когда братья и правда вернутся, – подзадорила она меня, – знаешь, что отец задумал для вас с Агамемноном?

Она не боялась спрашивать напрямик. Откровенность и даже дерзость лишь делали Елену очаровательной, и речи ее никогда не звучали бесцеремонно или возмутительно. Подспудный смех, всегда журчавший в ее голосе, и искры в ее глазах придавали словам сестры беспечную воздушность. Она ничуть не боялась получить отпор или услышать резкость. А уж меня подразнить – и подавно.

Я подобрала камушек, гладкобокий, аккуратно помещавшийся в ладонь. Повертела в руке.

– Надеюсь, братья исправят учиненную над ними несправедливость.

Я не рассказала Елене о случайном, обрывочном разговоре с Агамемноном на исходе дня ее свадьбы, у реки. Прежде у нас с сестрой не было запретных тем, но она теперь стала замужней женщиной, я же оставалась девушкой. И чувствовала непривычное стеснение.

– Ну-ну, – допытывалась она. – Что же ты о нем думаешь?

После того как Елена с Пенелопой вышли замуж одна за другой, я поняла, что вскоре Тиндарей подыщет супруга и мне. Добрый отец, он с радостью предоставил Елене самой сделать выбор, и будущий разговор о собственном браке меня не страшил. Сестры мои, казалось, вполне довольны судьбой, так почему и мне не ожидать того же? Но теперь, воображая, как некий заезжий царевич явится за мной к нам во дворец, я не испытывала больше радостного, искристого предвкушения. Вдруг он увезет меня на далекую чужбину, отлучит от всего род-

ного и знакомого? Вдруг не будут его заботить ни слова, ни мысли мои, а лишь родовитость да богатое приданое?

Агамемнон и его брат, когда-то несправедливо изгнанные, а теперь отправившиеся бесстрашно возвращать свое, бесспорно, были притягательны.

К тому же из сотни мужчин Елена выбрала Менелая. И если она нашла с ним счастье, то и я, вероятно, могу обрести такое с его братом? Ведь это, разумеется, лучше, чем уповать на доброту какого-то неизвестного чужеземца?

– Только представь, – продолжала Елена, – как будет славно: мы сестры, а мужья наши – братья.

Я смотрела на воды реки, утекавшие в море. Сомневаясь, в отличие от Елены, что грядущее непременно безоблачно, как и прошлое.

Но если замысел отца не воплотится? Как тогда буду я жить? Опять потянутся унылой чередой похожие на этот дни, пока другой жених, причалив к нашим берегам, не сделает мне предложение?

Поток сомнений, впущенных Еленой, наводнил мой разум. День за днем я подолгу оглядывала просторную излучину реки вплоть до отдаленной южной бухты в надежде увидеть корабль Атридов.

Лишь спустя несколько недель однажды утром наконец раздался крик, понесся эхом вдоль реки, по цепочке от стражника к стражнику:

– Атриды возвращаются!

Мы с Еленой в испуге переглянулись, на миг моя невозмутимая сестра утратила равновесие. И кинулись к дворцовым воротам им навстречу, а пока ждали, она крепко сжимала руками мою руку.

Они шагали к нам по берегу реки. Кудри Менелая рыжели на солнце, прямо как в день нашего знакомства. Вот только Агамемнон не глядел теперь, насупившись, под ноги, к нам обращал открытое и проясневшее лицо.

Счастливо соединившись, Елена с Менелаем обнялись, и я отошла в сторонку. Отец уже был тут как тут, взял Агамемнона за руку, приветствия и поздравления сыпались в изобилии со всех сторон.

Агамемнон преобразился. Куда-то подевались и суровость, и хмурый вид. Сбросив тяжесть с плеч, он выглядел совсем иначе.

– Фиест убит, – в словах Агамемнона сквозило сдержанное ликование. – Но Эгисф, сын его, жив. – Тут он глянул на меня. – Надеюсь, боги довольны, ведь невинная кровь не пролилась.

Наверное, в этом и дело. Снялось наконец проклятие, отравлявшее жизнь его рода. Потому, наверное, Агамемнон так переменялся.

Воображение мое разгулялось, пока его не было. А теперь он стоял передо мной во плоти. Пожалуй, только чуть ниже был ростом, чем мне запомнилось, и чуть тяжеловесней лицом. Но дух Агамемнона просветлел и случилось чудо. Нос его не отличался изяществом, а подбородок не прельстил бы ваятеля, однако, глядя на Агамемнона, я вспоминала шкуру медведя, добытую однажды на охоте моим братом. Он принес ее домой в доказательство собственной удали, с уцелевшей головой и застывшей в оскале мордой, потом только шкуру порезали на меха для нас с Еленой – кутаться холодными зимними ночами. Вот о чем напоминали мне встопорщенные брови Агамемнона. Елена этой шкуры пугалась, меня же занимало, что обладатель ее, дикий зверь, еще совсем недавно рыскал по горам, а я теперь могу погладить его мех, лишь протянув руку.

Агамемнон снова глянул на меня, но тут отец мой, встав между нами, повесил руку ему на плечо, призывая во дворец, обещая застолье и лучшие вина. Агамемнон расплылся в улыбке.

Мужчины ушли вперед – Менелай не хотел отпускать руку жены, но возбужденный Тиндарей увлек его за собой, – а мы с Еленой последовали за ними. Сестра притянула меня поближе, сладкий запах ее волос ласково дохнул в лицо, и все сомнения забылись на время, изгладились триумфальным и благополучным возвращением братьев.

Победа, как видно, придала Агамемнону смелости, ведь позже, в разгар шумного празднества, он, не колеблясь, отыскал меня. И на сей раз не прятался в тени, напротив, беспечно, игриво почти, взял меня за руку и пригласил выйти из душного парадного зала во двор.

Я замерла в нерешительности: как лучше возразить? Одно дело – случайно встретиться наедине вне дворца, как тогда, и совсем другое – намеренно пойти с ним в укромное место. Почуввав сопротивление, он склонился ко мне.

– Твой отец разрешил.

И я пошла за ним. Предполагая, что вот теперь-то все и случится, но по-прежнему не ведая, какой дать ответ. Во дворе яркая полная луна освещала расписные колонны.

– Завтра возвращаюсь в Микены, – сказал он.

Я ждала продолжения. Весь вечер наблюдала, как он пьет и веселится с остальными, и задавалась вопросом, а правда ли Агамемнон особенный. Теперь недоставало в нем прежней серьезности, того самого груза на плечах. Пожалуй, изгнанник, измученный страдалец, нравился мне больше героя-завоевателя, во всеуслышание хваставшего победой.

– Надеюсь... – он откашлялся. – Надеюсь, явишься ко мне, если позову.

– В Микены? Зачем бы?

Кончики его ушей под густыми темными кудрями заалели.

– Я сказал перед походом, что не могу искать жену, прежде не вернув себе трон. А теперь вернул и задал твоему отцу вопрос, и он сказал, что рад будет, если мы поженимся.

Овеянная ночной прохладой, я ощущала удивительное спокойствие. Смотрела на стоявшего передо мной мужчину – властителя целого города, наследника загадочного рода, брата сестриного избранника, отцом назначенного в избранники мне. И думала: могло ведь быть и хуже.

Тиндарей спешил закрепить узы нового родства, и вскоре вся Спарта удовлетворенно загудела – начались приготовления к моему отъезду в Микены. И отец, и Агамемнон, как видно, единодушно полагали, что власть их и влияние лишь укрепятся дружбой Спарты с Микенами, а остальная Греция склонится уж конечно перед такой союзной мощью. Казалось, все пространство Пелопоннеса станет нашим.

– Скоро увидимся, – пообещала Елена. Крепко обнявшись, мы стояли на скрипучей палубе.

Сестре, разумеется, хотелось себя чем-то утешить, вот только я, увы, сомневалась в правоте ее слов. От Спарты до Микен не так уж далеко, но навещать друг друга мы, конечно, будем редко. Между нами вздыбится пространная гряда Аркадских гор. К тому же мы ни разу еще и на день не расставались. Разлуку даже в месяцы длиной никак нельзя было представить.

Ветер охлаждал мое мокрое от слез лицо, а за спиной вздувались, хлопая, паруса. Быстро доплывем, уверил меня Агамемнон, попутный ветер нам благоприятствует. Я сцепила руки, затосковав уже по Елениным пальцам, только что сплетавшимся с моими, и тут под крики гребцов корабль медленно двинулся по волнам с белыми хохолками. Мой статный, царственный отец, провожая нас взглядом, стоял у причала с лицом триумфатора. Елена же уткнулась в плечо Менелая, но вдруг из-за пены, ловко срезанной взмахом весла, взглянула на меня, показала свое лицо – сияющее, лучезарное, гордое. Я почти не замечала уже ее красоты – свыклась, но в иные минуты, подобные этой, при виде Елены опять мгновенно захватывало

дух. Она улыбалась мне напоследок, а я, повиснув на деревянном поручне и позабыв всякое достоинство, неистово махала рукой, полусмеясь, полуплача.

4. Кассандра

В ожидании я от неудобства переминалась с ноги на ногу, влажное от горячего пара платье липло к телу. Моя сестра Лаодика полулежа нежилась в ванне – кудри убраны наверх, взгляд затуманен, а занятые приготовлениями рабыни сновали рядом. Веки мои отяжелели – после вчерашнего пира, затянувшегося допоздна, хотелось сомкнуть их поскорей. Мы поднялись на рассвете – отец принес в жертву Гере белоснежного барашка с просьбой благословить замужество Лаодики. И сегодня еще столько всего предстояло, а мне уже хотелось улечься немедленно в свою удобную, покойную постель.

Я вздрогнула: кто-то за подол дернул. Моя сестра, круглощекая малышка Поликсена, покрасневшая в тепле и не сводившая большущих глаз с ванны – все сегодня было так любопытно и необычайно.

– А что будет на свадьбе? – спросила она уже раз в десятый.

Я вздохнула: все сначала объяснять не хотелось.

– Не знаю.

Сестра с досады надула губки – привыкла, что ей потакают. И стала дальше допытываться:

– А зачем люди женятся?

– Вот этого не знаю и давно.

Мать, проходя мимо, цокнула языком.

– Узнаешь в свое время, Кассандра. Скоро и тебе придет пора.

Я покраснела. Царевичей с царевнами в Трое хватало, не нужны были родителям внуки еще и от меня, и все же вероятность замужества омрачала будущее. Моя старшая сестра Илиона вышла замуж год назад. Теперь настал черед Лаодики, и я тревожилась, как бы женихи сестры, из неудачливых, не обратили внимание на меня. Геликаон, ее избранник, казался безобидным, но других достоинств, по-моему, не имел. От мысли даже о минуте с ним или любым другим мужчиной наедине я приходила в ужас. Мне, в отличие от сестер, общительность и обаяние присущи не были. Меня вообще считали странноватой – неловкая и молчаливая, я совсем не умела поддержать разговор.

Поднялась страшная суматоха: Лаодику выводили из ванной, вытирали, одевали, обряжали в покрывало. Я отошла подальше в надежде, что со мной советоваться не станут.

Не стали. И до самого вечера я топталась в сторонке, наблюдая, как непринужденно общаются гости, блистает красотой Лаодика, а гордые родители принимают поздравления. Дурно делалось, стоило только себя представить виновницей такого торжества. За целый день я один лишь раз испытала умиротворение – рассыпая на заре ячмень в храме, после чего жрец и взялся за нож.

Я по-прежнему жаждала приобщиться к тайнам материнских видений, хоть ту давнюю ночь и вспоминала с неприязнью. Вот чего мне хотелось, а не свадьбы, мужа или детей. И вдруг меня осенило. Раз Аполлон владеет даром пророчества, то ведь, неверное, может награждать им вернейших своих последователей. Служить Аполлону – призвание достойное. Чем не годная стезя для негодной дочери?

О своем решении я объявила Приаму и Гекубе на следующий же день. Они не возражали. Осиянный чудным, золотистым светом могучего солнечного бога, наш город блистал, ибо Аполлон возлюбил Трою, как мы возлюбили его. Но манила меня не его лучезарность, и не целительная сила, и даже не сладкоголосая лира его, не ради этого жгла я благовония у ног его статуи и резала глотки жертвенным животным, истекавшим кровью в его честь. Поклявшись стать жрицей Аполлона, жуткой привилегии провидца – знать будущее – вовсе не страшилась. Мне теперь иметь детей не полагалось, и значит, вверять младенца судьбе на пустынных хол-

мах не пришлось бы, так какими видениями Аполлон мог меня испугать? Если он одарит меня способностью видеть, как мать – а то и больше нее, – я перестану наконец лепетать, понутив голову, мой голос зазвучит отчетливо и смело. Если смогу оглашать волю богов и видеть ткань самой судьбы, то получу и внимание, и уважение. Этого я и желала всем сердцем. Быть кем-то другим, а не собой, говорить чужими словами, а не собственными.

Я была покорной, была усердной. Знала, что каждый день Аполлон видит меня, свою верную служительницу, в храме, и надеялась получить от него награду за благочестие.

День, когда все это случилось, начинался вполне обычно. О предстоящем я и не догадывалась. Перед рассветом гуляла по берегу, а потом пошла в храм, как всегда. Спела гимн у алтаря, украсила цветами шею статуи Аполлона, установленной посередине, – голова моя туманилась от запаха душистых масел, горевших в чашах, и от пряного аромата возлитого богу вина. Здесь, в безмолвном, покойном сумраке храма я находила убежище и отдых. И не было для меня места лучше во всей Трое.

Сквозь дымок просачивался свет, растворялся в нем, золотыми ручьями наводняя тени, проясняя воздух. Я почувяла что-то, но что и откуда? Приостановилась, занеся руку над пригоршней лепестков, так и не рассыпанных. Оглядевшись, почувяла движение: ветерок пронесся по пустому залу, дохнул мне в затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.